

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОМИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Н.И. Гуляева,
научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
guljaevan@rambler.ru

Синтаксис коми фольклорных текстов своеобразен и уникален. В настоящем исследовании нами предпринята попытка проанализировать и описать специфику употребления вопросительных предложений в данных произведениях.

В коми фольклорных текстах употребляются как собственно-вопросительные, так и несобственно-вопросительные предложения. Отметим, что собственно-вопросительные предложения выполняют первичную функцию вопросительных конструкций, а именно служат для запроса информации.

Наиболее распространенным типом в исследуемых нами произведениях являются специальные вопросительные предложения. Они, как известно, выражают запрос, направленный на получение информации совершенно определенного свойства. Адресант употребляет специальные вопроситель-

ные предложения для выяснения места, причины, времени, действия и так далее. Данный вид вопросов обычно требует развернутого ответа, в которых должны содержаться новые сведения о запрашиваемых предметах, фактах, признаках, обстоятельствах. Средствами выражения вопроса в таких случаях обычно служат местоимения:

Петас гөбөчүсь Ёма, а ныв абу. Кутас видны өдзөсөс:

– *Мыйла тэ лэдзин?* (КФ 2002: 143) «Поднялась из погреба Ёма (Баба-Яга), а девушки нет. Начнет ругать дверь: – Почему ты выпустила?».

Көні жө тэнад

– *Да нигөн кепысьыд?* (ВВСМ 1986: 20) «Где же твои да шерстяные варежки?».

Распространены в коми фольклорных текстах специальные вопросительные предложения с двумя и более вопросительными словами:

– *Кытчө ті мөдід, барушня, кутшөм могьясөн?* (ВВСМ 1986: 224). «Куда вы собрались, барышня, и с какой целью?».

– *А тэ нө, доброй молодец, кодлөн, кытысь и кытчө мунан?* (КФ 2002: 152). «А ты, добрый молодец, чей, откуда и куда идешь?»

Употребляются в произведениях устного народного творчества также верификативные вопросительные предложения. Целью данного вида вопросительных предложений является получение спрашивающим от слушающего подтверждения или отрицания истинности высказанной в вопросе какой-либо мысли, достоверности в правильности информации. Как правило, это касается реальности / ирреальности того или иного события, явления, признака, объекта, субъекта и т.д.:

Баба и ювалө:

– *Но, вузалин төвартө?* (ВВСМ 1986: 155). «Женщина и спрашивает: – Ну, продала свой товар?»

– *Неужели, – шувө, – эз сюр?* (ВВСМ 1986: 98). «Неужели, – говорит, не нашлась?».

Пөрысь йөз юаласны: «Аддзылинныд-ө кок туйсө?» (КФ 2002: 176) «Пожилые люди спросят: «Видели ли следы?».

Широко распространены в коми фольклорных текстах альтернативные вопросительные предложения, в которых адресант предлагает возможность адресату выбрать ответ из двух или более вариантов, определив, которое из них является верным:

– *Кыті нө тэ локтін? Сухопутной туй кузя или морскөйті?* (КФ 2002:150.) «Где ты шел? По сухопутной дороге или морской?»

Ивашко уяс муас, и Еруслан юалө: «Но пө тэд, Ивашко, смерть или живот колө?» (КФ 2002: 150). «Ивашка упал на землю, и Еруслан спрашивает: «Ну, Ивашка, живот или смерть?».

Наиболее употребительными являются конструкции, в которых вторая часть вопроса, обозначающая собственно выбор (альтернативу), имеет усеченную форму, а разделительные союзы отсутствуют. Отсутствие в вопросительных предложениях данного типа разделительных союзов является особенностью коми языка. Это исконная форма вопросов данного типа:

– *Но, вокъяс, талун сюри эз?* (ВВСМ 1986: 96). «Ну, братья, сегодня поймали (или) нет?»

Еруслан Лазаревич горөдіс богатырскöй гөлөсөн: «Эм абу нö тая йöz пытикас лолъя морт?» (КФ 2002: 152). «Еруслан Лазаревич закричал богатырским голосом: «Есть (или) нет среди этих людей живой человек?»».

Редко встречаются в коми фольклорных текстах несобственно-вопросительные предложения. Они, как известно, не направлены на поиск информации, несмотря на то, что имеют формальную организацию вопросительного предложения, а реализуют вторичную функцию, невопросительную: побуждение к совершению какого-либо действия, выражение эмоционального состояния. Данная группа вопросительных предложений в данных текстах представлена встречными вопросами и контактоустанавливающими и императивными предложениями.

Распространены в произведениях устного народного творчества контактоустанавливающие вопросительные предложения. Основной функцией вопросительных предложений данного вида является инициирование ответной реакции адресата для вовлечения его в контакт с целью последующего общения, какая-либо информация коммуниканта не интересует. Вопросительные предложения данного вида часто употребляются либо вместе с приветствием, либо в качестве приветствия, на них не требуется подробного ответа на поставленный вопрос, так как основной функцией конструкций данного вида является побуждение адресата к контакту (Гуляева 2010, 2011, 2012, 2013).

Кнопка аддзис, кнопка сэн вöлöма збыль, личкышитіс. И генерал ныв восьтіс öшинь.

– *Но, – шувис нимнас генерал пйöс, – тайö тэ вовин?* (ВВСМ 1986: 180). «Кнопку увидел, действительно там была кнопка, нажал, и генеральская дочь отворила окно. – Ну, – называет по имени генеральского сына, – это ты прибыл?»

Грима-грымакылö вовис вöö сы дінö.

– *Но, көзяин, кутшиöма олан?* (ВВСМ 1986: 200). «Громыхая, приблизилась к нему лошадь. – Ну, хозяин, как поживаешь?»

Встречаются в коми фольклорных текстах и императивные вопросительные предложения, выражающие побуждение к действию:

Бать шувё:

– *Но, тэ тай нё, тий, век на тані, век на гортын?* (ВВСМ 1986: 114). «Отец говорит: – Ну, сын, ты все еще здесь, все еще дома?».

Менее распространены в произведениях устного народного творчества встречные вопросы, употребляемые коммуникантом вместо ответа и демонстрирующие не прямо, а имплицитно возражение или подтверждение тому, что выражено в вопросе собеседника. Не имея сильной экспрессивности, они чаще всего служат для выражения отрицательных оценок и суждений, направленных адресату:

– *Кытчö менсьым айöс да вокъясöс воитін? Вай бур ног!*

– *Кысь ме сета? Менам ай-мам найöс сёйисны* (КФ 2002: 148). «Куда моего отца и братьев дел? Верни их по-хорошему. – Откуда я верну? Мои родители их съели».

– *Здорово, Еруслан Лазаревич, кытчö мөдін?*

– *Кутийöм, – шувё, тэд делö, чужой стариклы?* (СНК 2009: 250) «Здорово, Еруслан Лазаревич, куда собрался? – Какое, – говорит, – тебе дело, постороннему старику?».

В коми фольклорных текстах встречаются различные структурные типы вопросительных предложений. Наиболее распространенными являются простые вопросительные предложения:

Баяр ти шувё:

– *Ме сайö он мун?* (КФ 2002: 139). «Боярский сын спрашивает: За меня (замуж) пойдешь?».

Ювасьöны да висътасьöны:

– *Кöн жö тиян да челядьясныд?* (ВВСМ 1986: 9) «Спрашиваю и рассказывают: Где же ваши да детушки?».

Употребляются в исследуемых нами текстах сложные вопросительные предложения:

– *Мый нö кутам керны, он-ö ачыд нето?* (ВВСМ 1986: 215). «Что же будем делать, не выйдешь ли сам?»

Кыдз жö эськö подойдитны, мед эськö сразу эз уськөдчыны? (ВВСМ 1986: 212) «Как же подойти, чтоб сразу не набросились?».

Встречаются также вопросительные слова-предложения:

– *Коді? – ювалö попаддя* (ВВСМ 1986: 145). «Кто? – спрашивает попадья».

– *Пöчö!*

– *Муи?*

– *Мун нетав да рөзвальсьö тэ корлы.*

– *Муя?* (СНК 2009: 69) «Старуха! – Что? – Выйди и попроси розвальни. – Зачем?»

Менее распространены цепочки вопросительных предложений:

– *Муї, – шуö, – тікöд лои? Муї горзанныд?* (СНК 2009: 67) «Что с тобой случилось? Что плачешь?».

– *Муя инö, пиö, воин? Из-ö кутшиöм случай ло?* (СНК 2009: 168) «Зачем же, сынок, приехал? Как тебя случай к нам привел?».

Таким образом, на основании анализа коми фольклорных текстов можно сделать следующие выводы: в произведениях устного народного творчества широко употребляются все типы собственно-вопросительных предложений. Сравнительно реже встречаются несобственно-вопросительные предложения, нами зафиксированы одиночные контактоустанавливающие и императивные вопросительные предложения, а также встречные вопросы. Среди структурных типов наиболее распространены простые вопросительные предложения, реже встречаются сложные вопросительные предложения и цепочки вопросительных предложений.

ВВСМ 1986 – Висер вожса сыланкывъяс да мойдкывъяс / чукöртіс И.А. Осипов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 256 л.б.

Гуляева Н.И. Вопросительные предложения с контактной семантикой в коми языке // Материалы XXXIX Международной филологической конференции (15–20 марта 2010 г. Уралистика) / под ред. доц. Н.Н. Колпаковой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – С. 36–39.

Гуляева Н.И. Вопросительные контактоустанавливающие предложения как одна из форм приветствия (на примере коми языка) // Динамика структур финно-угорских языков : сборник научных статей на материалах Всероссийской финно-угорской языковедческой конференции, посвященной юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора Е.А. Игушева и 60-летию председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации А.Н. Ракина (11–12 ноября 2009 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2011. – С. 67–71.

Гуляева Н.И. Контакттоустанавливающие вопросительные предложения вербальной идентификации в коми языке // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. – Сыктывкар, 2012. – С. 41–44.

Гуляева Н.И. Вопросительные предложения в коми литературном языке: семантика, функции и структура : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2013. – 25 с.

КФ 2002 – Коми фольклор : хрестоматия. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2002. – 328 л.б.

СНК 2009 – Сказки народа коми : коми мойдъяс / сост. Н.С. Коровина. – Сыктывкар: АУРК «Редакция журнала “Арт”», 2009. – 496 с.